

Глава 1

Денек выдался так себе. Даже, прямо сказать, скучный получался денек. Как с раннего утра зарядил проливной дождь, так и лил до самого обеда. И что прикажете делать в такой день? Гулять по улице, портить свои новые босоножки и превращать очень удачно приобретенный недавно шелковый нежно-бирюзовый костюмчик в половую тряпку? А про сделанную в салоне прическу после такого дождя можно вообще забыть. Да и простуда тут как тут явится. И что с того, что на дворе лето? Насморк, он и летом случается, особенно когда сырость просто пронизывает насквозь.

Нет уж, если есть возможность, то лучше пересидеть непогоду в тепле, уюте и комфорте родной квартиры. Вкусно позавтракать, поваляться на диване, посмотреть по телевизору про теплые страны, где жара и негры ходят почти голые. И немножко позавидовать им. А еще можно позавидовать жителям Западной Европы. Почему у них вечно тепло и люди летом купаются даже в городских фонтанах? И мечтают хотя бы о слабеньком дождике? А у нас если уж дождь, то льет как из ведра, но никого это не радует!

Одним словом, до обеда Вика прожила в состоянии сонного оцепенения. Но пообедала она с большим аппетитом. Мамины блинчики с мясом и сметанкой были хороши в любую погоду. Так что Вика умяла целых пять штук. И снова переместилась на диван.

Телевизор надоел. Она взяла любовный роман и попыталась читать. Но роман был тоже так себе. Героиня невыносимо страдала от одиночества до самой трид-

цать первой страницы, где она наконец познакомилась с героем своей мечты и стала страдать уже от неразделенной любви. То есть она думала, что любовь у нее неразделенная. А на самом деле тот буквально сходил с ума по ней. Но признаться, олух этакий, не решался. И мало того, что не признавался, так он еще и делал все, чтобы его любимая ни в коем случае не заподозрила, насколько он ее обожает. Хамил ей, говорил гадости, подчеркнута не замечал, крутил на ее глазах романы с другими женщинами. И так на протяжении еще ста страниц.

Ясное дело, героиня переживала, мучилась, страдала, а потом решила взять себя в руки и закрутила роман с выдавшим виды, но красивым злодеем. Вот тут-то наш герой спохватился, да, увы, поздно. Его самого окрутила какая-то предприимчивая стерва, судя по всему, родная сестра того самого выдавшего виды злодея. Злодей и злодейка страшно мешали героям поговорить по душам и наконец-то воссоединиться в счастливом браке. И дело уже катилось к настоящей драме, когда Вика наконец плюнула на этих двух влюбленных друг в друга идиотов. И отшвырнула книжку в сторону.

— Кретины! — возмутилась она. — Мне бы только встретить своего суженого, уж я бы не оплошала. И мямлить бы тоже не стала. Сразу же сказала бы ему: милый, я тебя люблю, ты меня тоже любишь, так чего время зря терять? Пошли они все на фиг, а мы с тобой — под венец.

Таким образом, Вика была человеком действия. Отвлеченные размышления были ей чужды. Она привыкла реально мыслить и четко действовать. А вынужденное безделье буквально убивало ее.

— Хотя бы погода улучшилась! Я бы в магазин сходила.

Когда стало смеркаться, а дождь все лил, терпение Вики лопнуло.

— Пропади оно все пропадом! Целый день дурью

промаялась! — возмутилась Вика, решив заняться хотя бы уборкой. Увы, даже тут ее ждало разочарование. Мама у Вики была просто образцовой хозяйкой. И уехала с папой на Черноморское побережье Кавказа со всеми его прелестями только вчера. Вика на Кавказ лететь отказалась.

Дело в том, что родители отправились не столько отдохнуть, сколько к своим друзьям на свадьбу их сына. У Вики с этим парнем в прошлом году случился маленький курортный роман. Маленький-то маленький, но видеть, как бывший кавалер предпочел ей другую девицу и даже женится теперь на ней, Вика не хотела. Ей и без того неприятностей в личной жизни хватает. К чему травмировать себя добровольно?

— Да еще подарок этому мерзавцу дарить! Нет уж, не дождется он от меня подарка!

К слову сказать, злилась Вика совершенно напрасно. Скорей всего, молодой человек поступил совершенно правильно. Потому что еще прошлым летом Вика совершенно четко сказала ему, что замуж она за него не пойдет, поскольку у него всего лишь двухкомнатная квартира на окраине Адлера. А ей хотелось бы жениха с квартирой раза в два больше. И не в Адлере, а в Москве или, на худой конец, в любой европейской столице, хоть в Париже, хоть в Вене, хоть в Мадриде. Она не привередлива.

И вот теперь родители улетели. А Вика осталась одна в пустой квартире маяться от безделья. И еще у Вики был отпуск. Целых две недели отпуска! Когда Вика уходила с работы, стояла страшная жара. Но уже на следующий день похолодало, а потом и вовсе пошел вот этот дождь.

— Все, как и следовало ожидать, — философски заметила Вика, призывая себя не расстраиваться.

Но чем бы все-таки заняться? И тут взгляд девушки упал на чуланчик, забитый всевозможным барахлом.

Вот оно — необозримое поле для выхода ее накопившейся за день энергии! Насколько Вика знала, в этот чуланчик складывали всякий хлам с незапамятных времен. Во всяком случае, сколько она себя помнила, столько туда совали барахло.

Конечно, время от времени чуланчик чистили. Выкидывали ставшие совсем уж ненужными вещи — поеденную молью шаль, испорченный плесенью плащ, прихваченную из супермаркета корзину, в которой предполагалось таскать на даче сорняки от грядки до компостной кучи, но которая до дачи почему-то так и не доехала. Почему, Вика могла объяснить запросто. Появилась у них эта корзинка осенью, а за зиму и весну ее так основательно загромоздили всяким хламом, что весной про ее существование просто забыли. А когда все же нашли, то дача была уже продана.

Итак, вместо совсем уж пришедших в негодность вещей в чулан запихивали другие, тоже негодные, но в отношении которых теплилась надежда, что они могут еще пригодиться. Но вот до самых глубоких недр чуланчика никто не добирался. Может быть, еще бабушка, когда была жива, туда и заглядывала. Но она, увы, скончалась год назад. А мама Вики, какой бы хорошей хозяйкой ни была, предпочитала поддерживать порядок на поверхности. Что творится во всяких там недрах квартиры, ее мало заботило.

И вот теперь Вика, полная самых благих намерений, решила продолжить дело своей любимой бабули.

— Разберу чуланчик, мама придет, ахнет!

И, засучив рукава, Вика принялась выгружать из чуланчика залежи хлама. Тот факт, что часы показывали уже восемь вечера, Вику не смущал. Она была «своей». Так что трудовой энтузиазм у нее повышался по мере того, как день клонился к вечеру. Сейчас Вика была бодрa, свежа и энергична. А вот рано утром она кле-

вала носом и в выходные редко когда вылезала из-под одеяла раньше одиннадцати-двенадцати часов дня.

Первый ряд хлама был Вике хорошо знаком. Вот швейная машинка, еще хорошая, но отправленная в ссылку, поскольку была куплена другая, куда более навороченная. Вот электрочайник, грех которого состоял в том, что на его спирали образовался слой известкового налета, а на стенках осела ржавчина. Казалось бы, подумаешь, ржавчина! Подумаешь, налет! Прокипяти воду с уксусом, и чайником можно будет пользоваться еще много лет. Но мама Вики считала, что старую вещь лучше выкинуть, чем возиться с ней.

— Чайник морально устарел! — заявила она и купила новый.

Потом показался детский велосипед Вики (чего выбрасывать, скоро Вика выйдет замуж, внуки пойдут, вот велосипед и пригодится!). За ним следом поднос с чуть потрескавшейся эмалью, несколько цветочных кашпо, табуретка с расшатавшимися ножками, ворох кофточек, блузочек, брючек и обуви, еще годной и крепкой, но, увы, вышедшей из моды. И еще куча барахла того же рода.

Вещей, которые в цивилизованной Европе без всяких угрызений совести выбрасывают на помойку, а мы бережно храним, надеясь, что придет день, когда все эти тряпочки нам понадобятся, и одновременно ужасаясь тому, что этот день действительно когда-нибудь придет.

Но после слоя хорошо знакомых Вике вещей пошел куда более старый и поэтому интересный. Тут для Вики было уже много настоящих находок! Вот, например, какой чудесный отрез бархатистой ткани. Потрясающе! Похоже, кто-то из ее предков прихватил из школы флаг дружины. Развернув его, Вика прочитала вышитые золотом слова: «Пионерия! Комсомол! Слава КПСС!»

— Шикарная ткань, как раз мой цвет, — задумчиво пробормотала Вика, оборачивая знамя вокруг себя и прикидывая, хватит ли ей на юбочку или хотя бы топик.

Знамя Вика с некоторым сожалением, но все же отложила в сторону. Ведь в чуланчике было полно других, еще более увлекательных вещей. Игрушечный барабан, толстый альбом со старыми фотографиями, красивая бабочка в рамке под слегка треснутым стеклом, часы с кукушкой. Тут даже нашлись бабушкины босоножки на толстой платформе.

— Прелесть! — воскликнула Вика.

В хорошей обуви она знала толк. И сразу же поняла, что когда-то очень давно эти босоножки были безумно хороши и стоили, должно быть, немало. И главное, были они явно не отечественного производства. Вика еще помнила изделия отечественной обувной промышленности: калоши, тряпочные тапочки, кеды и уродливую обувь с топорными круглыми носами.

Босоножки были словно из другой жизни. Из той, где упоенно скакали, распевая, две пары из «АВВА», где подавались в ресторанах напитки с крошечной оливкой на краю бокала, где по ковровым дорожкам ступали разные знаменитости...

— А бабуля любила пофорсить! Моя бабушка — и модница!

В памяти Вики бабушка осталась именно бабушкой. Уютной, доброй и домашней. Но ведь иногда (и это Вика тоже прекрасно помнила) она красиво одевалась, красила губы, подводила глаза. И, тряхнув уложенными в парикмахерской кудрями, отправлялась куда-то. Куда? Этого маленькая Вика знать не могла. Но теперь, будучи взрослой девушкой, имеющей кое-какой собственный опыт походов на свидания, она могла сказать: бабушка отправлялась именно на свидание с мужчиной.

— Интересно, с кем это?

Насколько Вика знала, ее родной дедушка умер за-долго до Викиного рождения. В детстве она всегда со-жалела, что у нее только один дед. Папин дед был высо-кий хмурый старик, не испытывавший к маленькой внучке ни малейшей привязанности. Он только сердит-то фыркал, если она нерешительно подходила к нему с каким-нибудь своим детским вопросом или бедой. К счастью, виделись они нечасто. Только по выходным дням, да и то не каждую неделю.

А вот с маминым отцом, вторым ее дедом, Вика бы-ла уверена, она нашла бы общий язык. На старых фото-графиях, которые показывала Вике бабушка, у него бы-ло открытое доброе лицо и хорошая улыбка. Он бы не стал фыркать на внучку. Только умер он слишком рано. Вика его даже не застала в живых.

— Значит, у бабушки был еще кто-то уже после смерти деда, — прошептала Вика. — К этому человеку она и ходила на свидания. В босоножках!

Вика хмыкнула. И полезла дальше. Дальше нахо-дился какой-то огромный чемодан, обтянутый потре-скавшейся кожей. Он лежал на самой верхней полке в глубине, так что Вика изрядно намучилась, пока подта-щила его к краю.

— Уф! Тяжеленный какой! Кирпичи там, что ли?

А потом случилась и вовсе катастрофа. Древний че-модан был еще тяжелей, чем представлялось Вике. Или она просто не рассчитала свои силы. Но так или иначе, чемодан полетел вниз. И потянул за собой с табуретки Вику, не сообразившую вовремя отпустить ручку.

Чемодан ударился об пол с таким грохотом, словно произошел взрыв. А следом за ним приземлилась и Ви-ка, тоже девушка довольно крупная.

— Бу-уммм!

Гулко разнеслось по всему дому.

Некоторое время Вика лежала, не шевелясь. Не в силах поверить, что осталась жива и даже, кажется, почти совсем ничего себе не повредила. Конечно, у нее

болел бок, два ребра подозрительно скрипнули, когда она попыталась встать. Болело ушибленное колено. И ныла рука от локтя до плеча. Но в общем и целом ничего ужасного.

— Могло быть и хуже! — простонала Вика и злобно пнула чемодан.

Этого нового удара старенькие замки не выдержали. И крышка чемодана услужливо откинулась перед Викой.

— Ну и что? Что ты хочешь мне сказать? Я тебя должна еще и разбирать? После всего, что ты тут устроил?

Чемодан молчал. А Вика, помимо воли, присела рядом.

— Ладно уж, — проворчала она. — Посмотрю. Вдруг там у тебя действительно есть что-то интересенькое.

Увы, ничего интересного чемодан не содержал. Клубки с шерстью, которые бережно сматывала и хранила ее бабушка. Незаконченное вязанье с воткнутыми в него спицами. Вика присмотрелась — это был детский джемпер. Видимо, бабушка начала вязать его для Вики. А потом родители купили ей настоящий, магазинный. И обиженная бабушка свое вязанье отложила насовсем.

Еще тут был мешок со старыми колготками, в которых на их тогдашней даче хранили выращенный на грядках лук и чеснок. Были тут удивительные лифчики на пуговицах. И Вика долго вертела их перед носом, пытаясь понять, как можно быть таким идиотом, чтобы сконструировать лифчик с целым рядом огромных костяных пуговиц на спине. Они же будут выпирать из-под любого мало-мальски облегающего платья!

— Кошмар!

Еще тут были какие-то неинтересные, действительно изрядно поношенные платья и кофты. И пачка писем. Вот к письмам руки девушки почему-то потянулись сами собой.

— А это еще что?

Вика взяла письма и задумалась. В чемодане были только личные бабушкины вещи. Письма лежали на самом дне. Логично предположить, что и письма эти тоже принадлежали бабушке. Но почерк был совсем не ее — мелкий, бисерный. А бабушка писала крупными буквами с наклоном влево. Тем не менее письма были перевязаны розовой лентой, и сверху была приложен высушенный цветок лесной фиалки — любимый бабушкин цветок.

— Как странно, — пробормотала Вика. — Кто мог писать бабушке?

Судя по пожелтевшей бумаге и по тому, что некоторые письма были без конвертов, а просто свернуты в треугольник, Вика поняла, что они приходили еще во время войны.

— От дедушки? Нет, за дедушку бабушка вышла замуж уже после войны. Это я помню. Но ведь, с другой стороны, они могли быть знакомы и раньше, просто поженились после войны!

И, уже не колеблясь, Вика прижала письма к груди. И, забыв про развал у себя в прихожей, устремилась с ними в комнату. Зачем? Очень просто. Она собиралась прочесть эти письма. Конечно, кто-то мог сказать, что не очень-то хорошо читать чужие письма. Но Вика оправдывала себя тем, что письма были от ее дедули к горячо любимой бабуле. Почему-то Вика была уверена, что у человека с фотографий, которые ей показывала бабушка, не могло быть ни от кого никаких тайн. Слишком он был для этого прост и открыт.

Удобно устроившись на диване с ногами и подложив себе под спину несколько подушек, Вика принялась разбирать строчки, исписанные ровным, мелким, но в то же время очень четким и почти каллиграфическим почерком. Очень скоро она поняла, что эти письма никак не от дедули. Тот был не только на фотографии человеком простым. Он и в жизни был таким. Родился в деревне. Работал сначала в совхозе, а после войны по-

шел токарем на завод. Университетов, как говорится, не кончал. А сумел закончить только шесть классов школы, надо было работать.

А человек, писавший бабуле эти письма, был, несомненно, образованной, начитанной и очень эрудированной личностью.

Вика читала и поражалась. Мужчина явно обожал ее бабулю. Не просто любил, именно обожал. Страстно, нежно, неистово. И эта страсть, эта любовь, это обожание сквозили в каждой строчке его посланий. И у Вики мелькнула крамольная мысль. Почему же ее бабушка не бросила своего простачка и не вышла замуж за этого интересного человека? Не любила? Просто флиртвала? Нет, не похоже, что это был простой флирт. Тут речь шла о настоящих чувствах.

«Мой дорогой человечек, — писал этот мужчина, — моя радость, моя птичка! Ты себе не представляешь, как я скучаю по тебе. Дни без тебя кажутся серыми и унылыми. Я знаю, что на улице светит солнце, выхожу, надеюсь хоть немного развеяться. Но меня его лучи не греют. Без тебя вокруг только черно-белый мир. Ты — мое единственное солнышко. Ты — моя цветная радуга. Ты — мое счастье! Ты — моя радость! Ты — моя единственная любовь навсегда!»

Читая эти строки, Вика, которая никогда в жизни не получала подобных посланий, невольно испытала легкую зависть. И что такого представляла из себя ее бабуля, что ей писали такие письма? Или дело не в ней, а в том мужчине? Он так умел видеть? Так глубоко и богато чувствовать? Но почему же, почему в таком случае он не был со своей, как он говорил, цветной радугой? Почему допустил, чтобы бабушка жила с дедулей, человеком хорошим, но очень уж простым.

А ведь ее бабушка, Вика это прекрасно помнила, не была деревенской пастушкой-простушкой. У бабушки имелись несколько хаотичные, но обширные познания во многих областях. Она неплохо музицировала, знала

два языка — немецкий и французский, русскую и зарубежную литературу. Одним словом, была человеком образованным и начитанным. В отличие от своего мужа.

— Как странно, — в который раз задумалась Вика над тем, что же за человек была ее бабуля.

Но мысли ускользали от нее. И Вика снова взялась за письма. Теперь она рассеянно перебирала их. Вот годы войны, вот война закончилась. Вот письма стали приходить откуда-то из Средней Азии, затем адреса еще несколько раз сменились. Последние письма приходили уже из Ленинграда. Почти через четверть века странствий по стране этот человек наконец перебрался в бабушкин родной город. И больше писем от него не приходило.

Почему? Вика догадывалась, почему. Нужда в них просто отпала. Бабушка жила в Ленинграде, ее любимый мужчина жил там же. Так что любовники наконец могли видеться. И мужчина мог сказать бабушке при личной встрече все то, что прежде излагал на бумаге.

— Так вот с кем встречалась моя бабуля, — прошептала Вика, снова припомнив, с каким волнением и радостью одевалась и готовилась ее бабушка к очередному свиданию.

И снова загадка! Почему эти двое не поженились? Ведь к этому времени, когда Вика начала помнить себя и мир вокруг, ее дедушка — муж бабули уже скончался. Как объясняла бабушка Вике, от тяжелой чахотки, и как шептались родители за спиной бабушки, от горького пьянства. Итак, любящий заложить за воротник токарь исчез со сцены. Однако обожающий бабушку любовник так и не вышел на подмости. Хотя место главного персонажа было вакантно. И бабуля, Вика в этом ни секунды не сомневалась, с радостью бы согласилась на такую замену.

— Почему же они не поженились? И в дом его бабушка никогда не приводила. Почему?

Надеясь найти разгадку, Вика продолжила листать письма. Отгадка нашлась в пятом по счету письме, которое она прочитала. Там бабулин любовник невнятно объяснял что-то про обстоятельства, которые вынудили его, молодого и перспективного, вступить в брак с некоей особой. Не с бабушкой, как без труда догадалась Вика. Что это были за обстоятельства, Вика не знала. О них герой-любовник бабушкиного романа писал, увы, невнятно.

— Так он был женат! — ахнула Вика. — Женился во время войны. А на ком? И зачем?

Судя по дальнейшим письмам, которые продолжали регулярно приходить к бабуле, ее любимый семейного счастья в браке не обрел.

— И тем не менее жена у него имелась. И он не хотел ее бросать.

Впрочем, ведь и у бабули имелся ее дедуля-токарь. Она вышла за него замуж вскоре после войны. Не бог весть какая партия, но по тем временам, когда мужики были на вес золота, очень даже неплохо. У Вики даже голова кругом пошла. У бабули был муж, которого она не хотела бросать. А перед этим ее любимый женился, исходя из каких-то обстоятельств. Однако эти двое — бабушка и ее мужчина — продолжали любить друг друга. И о том, чтобы расстаться, даже и не помышляли.

— Вот это страсти, — завистливо вздохнула Вика. — Потрясающе!

И углубилась в чтение писем. Одно из них заставило ее вздрогнуть. В нем шла речь о ее маме. Этот бабушкин любовник расспрашивал ее о дочке. Причем писал он так: «Как там растет наша девочка? Видел ее фотографию, которую ты мне прислала. Она настоящая красавица! Ты не поверишь, но она просто вылитая моя покойная мать в молодости. Я увидел доченьку и просто остолбенел. Вроде бы и раньше видел нашу Олечку много раз, но в этот день, с этой ее новой прической, в новом платье, ее сходство с моей матерью, с бабкой,

меня буквально поразило! Одно лицо, просто одно лицо!»

Как поразили саму Вику эти строчки, нельзя было и передать. Сначала она сидела, словно громом оглушенная. А потом принялась вчитываться в строки, надеясь, что просто чего-то не поняла, ошиблась. Нет, все верно, так и написано: «Сходство с моей матерью, с ее бабушкой!» Чернила немного выцвели, но разобрать вполне можно. Ошибки никакой нет. Олей, Олечкой звали мать Вики. Видимо, про эту Олечку и писал бабушке ее любовник. Называя Олечку своей девочкой. Дочкой! И сходство усмотрел между Олей и его матерью.

— Его матерью! — прошептала Вика. — Маминой бабушкой! Стало быть, моей... моей прабабушкой. Не может быть! Господи, что это значит?!

Она схватила письмо и принялась жадно читать дальше. Теперь ее к этому подталкивало не простое любопытство, а настойчивое желание докопаться до истины. Вике повезло. Бабушкин любовник принялся описывать, как его сестра совсем не была похожа на мать, а вот его дочка вылитая копия его матери в молодости. Просто удивительно, как иной раз причудливо складываются человеческие гены.

Вот тут у Вики голова окончательно пошла кругом. Если верить этому письму, то ее дедушка-токарь и бывший колхозник — вовсе и не ее дедушка! И он вовсе не отец ее мамы. А отец ее мамы и, следовательно, Викин дедушка — автор этих строчек.

— И он маму видел! — прошептала Вика. — А может быть, и меня! Много раз! Господи!

Широко раскрытыми глазами она смотрела перед собой и видела высокого, широкоплечего мужчину в сером, свободного покроя пальто и мягкой шляпе, который, застыв на одном месте, не сводил с нее взгляда своих печальных глаз, не решаясь подойти, не решаясь приласкать или даже просто заговорить со своей внучкой.

У Вики даже слезы навернулись.

— Бедный! Как он страдал!

И волна жалости к неизвестному ей деду буквально захлестнула ее. Но тут же на смену эмоциям пришел голос разума. А почему, собственно, спросил он, почему твой дед страдал? Мог бы развестись с женой и настоять, чтобы бабушка вышла замуж за него. Но он этого не сделал. Значит, было в этой жизни что-то куда более важное для этого человека, чем любимая женщина, родная дочь и внучка.

Но несмотря на это, Вика не могла возненавидеть бабушкиного любовника. В тех строках, которые ей удалось прочитать, она увидела нежного, любящего и очень несчастного человека.

— Бедный! — повторила Вика. — Всю жизнь боялся признаться мне и маме в том, что мы ему родные.

И тут же новая мысль посетила Вику. Он-то боялся, а вот она не побоится! Возьмет и пойдет в гости к своему деду. По крайней мере, взглянет ему в лицо, посмотрит, что он за человек на самом деле. Может быть, он был и на похоронах бабули. Вике уже казалось, что она даже смутно его помнит. Высокого, широкоплечего, с грустными глазами. Почему она представляла себе деда именно таким, девушка сказать не могла. И ей очень хотелось узнать, какой же он на самом деле.

— Решено! — подхватила Вика. — Пойду! Прямо сейчас!

Но ее стремительный порыв быстро угас, когда она взглянула на часы. Половина второго ночи. Пожалуй, в такое время являться в гости, пусть и к родному деду, но все-таки человеку незнакомому и пожилому, не совсем прилично. Да еще эта его жена! Вдруг она начнет вопить и ругаться?

— Отложу визит до утра!

После этого, сама поражаясь своему благоразумию, Вика быстренько запихала в чуланчик все вытащенные из него вещички, не слишком заботясь о том, чтобы

они стояли ровно. Себе она оставила только пачку пива своего деда. Они всерьез заинтересовали ее, и она собиралась перед сном еще почитать их.

Однако едва только ее голова коснулась подушки, как сладкий крепкий сон охватил Вику своими цепкими щупальцами. Во сне она видела все того же мужчину с печальным взглядом. Он смотрел на внучку и качал головой. Только теперь рядом с ним стояла Викина бабушка. И тоже качала головой, словно предостерегая ее от того шага, который собиралась предпринять девушка.

Глава 2

Мариша проводила Смайла на работу, закрыла за мужем дверь и задумалась. С чего начать генеральную уборку своей немаленькой и весьма захламленной квартиры? С чистки ковров? Или сначала вытереть пыль? А может быть, все-таки помыть посуду или пол?

И уже в который раз Мариша ощутила смутное недовольство тем, что родилась женщиной. А также этим миром, в котором женской работой всегда считалась уборка, уход за детьми и прочая рутина.

— Если уж на то пошло, то я бы лучше раз в год вбила гвоздь или починила полочку, чем изо дня в день стоять у мойки и у плиты.

Впрочем, Марише грех было жаловаться. Смайл в их семейной жизни взял на себя все кулинарные проблемы. Не сразу, конечно, но когда понял, что Маришина стряпня никак не переходит из количества в качество, тут он сдался. Записался на кулинарные курсы и выучился очень даже вкусно готовить. И даже сейчас, когда Смайл открыл свой маленький бизнес по катанию граждан на двухместных самолетиках над городом, он продолжал исправно готовить обед, завтрак и даже ужин.

Так что к плите Мариша почти совсем не подходи-

ла. Смайл не выносил, когда она до нее дотрагивалась. Утверждал, что плита после этого начинает плохо работать. А уж уборка, стирка и прочее оставались на совести Мариши. Она считала это справедливым. Но...

— Но я даже с этим не справляюсь!

Ну, с посудой, которая накопилась в кухонной раковине и на столе возле нее, Мариша расправилась быстро. Она запихнула ее в посудомоечную машину, протерла тряпочкой стол и сочла свой долг по отношению к кастрюлям, сковородкам, чашкам, тарелкам и вилкам выполненным. Но как быть с остальной квартирой? Приведенный в порядок кусочек кухни был просто невыносимо мал по сравнению со всем неубранным пространством.

— Что же мне делать?

Можно было взять в руки пылесос и решительно приступить к уборке, закончив ее к ночи. Можно, да, можно было бы... И Мариша даже именно так и собиралась поступить. Честное слово! Она даже пошла в сторону прихожей, где в укромном закутке стоял пылесос. Пошла, да не дошла. И вовсе не лень стала тому виной. Просто в дверь позвонили.

— Ну вот! — обрадовано отскакивая подальше от пылесоса, воскликнула Мариша. — Никакого покоя! Только хотела заняться уборкой, как гости пожаловали! Не буду открывать!

Но звонок буквально разрывался на части. Кому-то позарез была нужна Мариша.

— Ладно уж! Иду! Кто там?

— Это я! Открывай! Скорей!

Мариша распахнула дверь, и в нее влетела Вика — ее старинная приятельница, с которой Мариша была знакома сто лет или даже чуть больше. Однако последнее время они виделись не часто. Вика была озабочена поиском жениха. Только этим одним! Все остальное воспринималось как досадная помеха на пути к достижению заветной цели.

На взгляд Мариши, девушке следовало бы для начала немного успокоиться, снизить планку и трезво взглянуть на себя. Потому что, занятая погоней, Вика совсем забывала о своей внешности. Но говорить Вике о том, что ей бы следовало для начала похудеть, немного привести себя в порядок, а потом уж гоняться за женихами, да и не исключительно за крутыми бизнесменами, а за мужчинами попроще, Мариша избегала.

Вика даже слышать ничего такого не хотела. У нее будет муж непременно богатый! Не нужен ей бедняк! Бедно она и с родителями прожить сможет. Она хочет богатого, чтобы обеспечил ей полноценную жизнь!

Но сейчас Вика выглядела просто странно. Волосы всклокочены, глаза вытаращены, а лицо попеременно заливает то краска, то мертвенная бледность. И слепой бы догадался, что Вика крайне взволнована. Поэтому Мариша, в душе не сомневаясь, что у Вики случился очередной облом на любовном фронте — жених разорился или просто оказался мерзавцем, — спросила:

— Что произошло? Он оказался женат?

Вика затрясла головой.

— Да, а еще его убили! Точно как и мою бабушку!

После этого она рухнула в кресло и застонала:

— Что происходит?! Что же это такое? Ничего не понимаю! Сначала бабушка! Теперь дед! За что их убили?

Мариша осторожно присела рядом и задумалась. Похоже, она слегка ошиблась. На сей раз речь пойдет не о женихе. Но при чем тут дед Вики? Насколько Мариша помнила, тот скончался от какой-то болячки много лет назад, еще до рождения самой Вики.

— Нет, — замотала головой Вика. — Тот человек не был моим дедом!

— Как это?

— А вот так!

— Но он ведь был женат на твоей бабушке?!

— Да. И что с того? Бабушка вышла за него, когда поняла, что беременна от другого.

— Зачем?

— Чтобы грех прикрыть! Чтобы люди в нее пальцем не тыкали, мол, внебрачного ребенка в подоле принесла. Ясно тебе? Чтобы у моей мамы была нормальная метрика с отцом в нужной графе.

— Разве это важно?

— Ясное дело, тогда было важно! И значит, у меня есть дедушка!

Нет, Марише ничего не было ясно. Какой еще второй дедушка? Оттуда он взялся?

— Рассказывай! — потребовала она у Вики. — Рассказывай, что произошло!

И Вика принялась рассказывать. Историю о том, как в бабушкином чемодане она нашла пачку любовных писем, Вика проскочила на едином дыхании. И все равно Мариша покачала головой:

— Никогда не следует читать чужие письма!

— Да ты слушай, что дальше было!

А дальше было следующее. Отлично выспавшаяся Вика не вняла предостережениям явившейся ей во сне родной бабушки и утром отправилась в гости к своему деду. Раздобыть его адрес не стоило никакого труда. Собственно говоря, Вика сомневалась, что у нее все получится гладко. Ведь последний адрес на конвертах хоть и был ленинградским, но с тех пор прошло много лет. Адресат мог переехать в другое место.

— Но с чего-то же нужно начинать! — решила Викуля и отправилась на свидание с человеком, которого теперь считала своим дедом.

Трудность заключалась еще и в том, что Викуля помнила о том, что у ее деда имеется законная супруга. А вполне возможно, дети и внуки. И как она объяснит им свое появление? Вряд ли они придут в восторг, узнав о существовании внебрачной родственницы.

— Как бы не напортить ничего человеку, — притормозила Вика, уже войдя во двор нужного ей дома.

Она походила по периметру двора, разглядывая са-

мую обычную песочницу, превратившуюся от затяжно-го дождя в маленький пруд, сломанные качели и нуждающуюся в покраске шведскую стенку. Одним словом, ничего интересного. Обычный двор в довольно потрепанной временем, но все еще крепкой «сталинке». Ничего тут не подсказало Вике, как ей следует действовать дальше.

На конверте вместо полной подписи стояла красиво выписанная закорючка, что-то вроде Колыш с хвостиком. Или Калышев. Фамилия деда? А как его звали? Ни в одном письме мужчина не подписывался своим именем. Писал: твой милый друг. Или: твой любящий муж. Или что-нибудь в этом роде. Но никаких имен.

— Ладно, зайду в дом, покажу подпись на конверте. А если будут спрашивать, зачем мне нужен этот человек, совру, что на почте произошла путаница. В любом случае что-нибудь я там узнаю.

И Вика начала подниматься на четвертый этаж. Нужная ей дверь оказалась обитой красивыми панелями из МДФ. И табличка была новенькой, латунной. И звонок заиграл мелодично, лаская слух. Да и молодой человек, который открыл Вике дверь, был под стать этой двери. Вылизанный до блеска, холеный и гладкий.

— Калышев? — переспросил он. — Нет, вы не ошиблись. Это наша семейная фамилия.

Ура! С первого же выстрела попадание в яблочко! Но этот молодой человек никак не мог быть тем Калышевым, который был нужен Вике. Тому должно быть лет семьдесят. Или около того.

— Дедушка? — переспросил молодой человек. — Разве вы не знаете? Он скончался год назад.

Год! Целый год! Но, минуточку, ведь и Викина бабушка погибла тогда же. Ах, как это романтично. Они любили друг друга всю жизнь, но не могли быть вместе. И лишь смерть соединила их.

— Да, дед погиб тридцатого мая, — произнес молодой человек, и Вика буквально похолодела.

Тридцатого мая погибла и ее бабушка! И тоже год назад. Выходит, бабушка и ее любовник погибли в один и тот же день? Просто день в день? Но это невозможно! Конечно, Вика допускала мысль о родстве душ и о том, что искренне любящие люди следуют друг за другом до самого конца, пусть даже и в могилу. Но не в один же день! Все-таки надо дать судьбе хотя бы маленькую передышку.

— А как он погиб? — выдавила из себя Вика.

Молодой человек смерил ее удивленным взглядом. «Сейчас поинтересуется, какого черта мне это надо!» — мелькнула в голове у Вики шальная мысль. Но молодой человек ничего такого не спросил и просто ответил:

— Дедушку сбила машина!

У Вики перед глазами все поплыло. Ведь и ее бабушку тоже сбила машина. Что же это делается на свете?

— Дед переходил на красный свет, — монотонно рассказывал Вике молодой человек, совершенно не обращая внимания на ее состояние. — Да и со зрением у него в последнее время стало неважно. Вот и не заметил грузовика.

Ах, нет! Бабушку задавила обычная легковушка. «Жигули» пятой или седьмой модели. Точно никто из очевидцев не помнил. Но то, что это был не грузовик, могли поручиться все свидетели. А Вика уже начала думать, что бабулю и ее любовника сбила одна и та же машина. В принципе, это было бы вполне логично. Ну да, бабуля с дедулей шли себе под ручку, наслаждаясь очередным свиданием. У обоих со зрением было не очень хорошо. Вдобавок увлечены беседой. Вот и пошли на красный свет. А тут из-за поворота машина.

Но... Но раз машины были разные, значит, и гуляли дедуля с бабуля каждый сам по себе. И тем не менее... В один и тот же день оба погибли.

— А где это случилось?

— Да тут, возле дома.

Бабушку машина тоже сбила возле дома. Только

возле ее собственного дома, в трех остановках метро отсюда.

— Вам все ясно? — спросил у девушки молодой человек. — Дедушка погиб.

Вика кивнула. Хотя единственное, что ей было ясно, это то, что ей ничего не ясно. Что произошло с ее бабушкой и человеком, который являлся ее настоящим дедом? Почему они погибли в один день? Кто организовал наезд? Верней, наезды.

— А преступника нашли?

— Вы имеете в виду шофера, совершившего наезд?

— Да.

— Никого не нашли. Машина была угнана от соседнего дома. А сам хозяин лежал в это время в больнице с острым приступом холецистита. Ключи никому не давал. Посторонних к рулю не подпускал. Поэтому следствие зашло в тупик и прекратило расследование.

И в случае с Викиной бабушкой следствие также зашло в тупик! Просто феноменальная схожесть! Живут себе двое немолодых уже людей, любящие друг друга всю жизнь. А потом в один далеко не прекрасный день дружно попадают под машины и гибнут. И это совпадение невольно наводит на мысль: а совпадение ли это? Может быть, бабушку и деда просто убили?

Эта мысль только мелькнула в голове у Вики. Но внезапно девушка почувствовала слабость, головокружение, и весь мир стремительно начал терять свои краски. Последним, что она помнила, был стремительно приближающийся к ней пол лестничной клетки.

Очнулась Вика от того, что кто-то бережно похлопывал ее по щекам, дул в лицо и плескал прохладной водой. Открыв глаза, Вика обнаружила, что находится в большой комнате, обставленной старинной мебелью с множеством фарфоровых безделушек за стеклянными дверцами.

— Где я? — прошептала она едва слышно.

— У нас дома.

Вика скосила глаза и увидела того самого молодого человека, с которым разговаривала в дверях.

— Что со мной случилось?

— Вы упали в обморок. И я перенес вас на диван. Вам лучше?

Вика кивнула и попыталась сесть. Но мир немедленно стал вращаться со страшной силой. И девушка снова откинулась на подушки.

— Ой! — воскликнула она. — Что это со мной?

— Похоже, вас очень испугала смерть моего дедушки. Скажите, вы были близко с ним знакомы?

Вика молча помотала головой.

— Жаль, — расстроился молодой человек. — Мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто бы хорошо знал деда.

— Другими словами, вы сами его не знали?

— Увы, почти совсем не знал.

— Как же это? — изумилась Вика.

— А вот так. Вообще-то это был не мой родной, а двоюродный дедушка.

— Не родной?

— Нет. Своих внуков у Льва Илларионовича не было. Впрочем, как и детей.

— Не было?

— Никаких близких родственников. Только он и Майя.

— Это кто?

— Его жена.

— А она?..

— Скончалась еще раньше деда. Какая-то затяжная болезнь. Да и возраст у нее был уже более чем приличный.

Почему-то при мысли о том, что у ее деда не было никого близкого, на душе у Вики стало удивительно приятно.

— А вы?.. — спросила она. — Вы кто?

— Я всего лишь внук бабушки Тамары — сестры

Льва Илларионовича. И живым своего двоюродного дедушку я видел всего лишь два раза, когда он проездом был у нас и заглянул в гости. Согласитесь, этого недостаточно, чтобы близко узнать человека.

— Да уж... Так вы с бабушкой не из Питера?

— Нет, бабушка умерла давно. А мы с мамой еще год назад жили в Вологде.

— Это ведь недалеко от Питера. По крайней мере, тоже Северо-Запад.

— И что?

— И дедушка приезжал к вам всего два раза?

Молодой человек, кажется, слегка смутился.

— Видите ли, — пробормотал он, — Лев Илларионович был очень занятым человеком. Военным. И вечно мотался по разным гарнизонам и военным объектам. Даже выйдя в отставку, он не оставил своей деятельности. А уж во время службы вообще отдыха не знал!

Так вот почему на конвертах все время были разные адреса! Этот Лев Илларионович был просто перекатиполе. Вика прекрасно знала, какой беспокойной бывает жизнь у военных. Едва успеют освоиться на новом месте, навести уют в казенной квартире, устроить детей в школу, выяснить, где тут лучшие магазины или рынок, как их уже перебрасывают на новое место. Где весь быт приходится налаживать буквально с нуля.

Оставалось только удивляться, как при такой жизни Лев Илларионович находил место еще и для любви к Викиной бабушке. Увы, молодой человек, который приходился двоюродным внуком Льву Илларионовичу и, стало быть, был родственником самой Вики, ничего не мог сказать по этому поводу. Звали молодого человека Ваней. И, судя по всему, он был редкостным тьюфяком. Конечно, Вика была рада, что он не оставил ее на лестнице. Но тоже ведь, если вдуматься, не дело — приводить в дом малознакомую девушку. И что с того, что она в обмороке? Вполне может притворяться!

Мариша выслушала рассказ Вики от начала до самого конца. И озабоченно нахмурилась:

— Другими словами, твой дед и твоя бабушка погибли в один и тот же день?

— Да.

— А спустя непродолжительное время квартиру твоего деда заняла его племянница с сыном?

— Да. Ваня сказал, что поскольку других родственников у Льва Илларионовича не было, то наследницей была признана его мать.

— И твой дед был богат?

— Судя по обстановке в квартире, да.

— А чем мать Вани занималась в своем родном городе?

— Была учительницей в школе.

— Какие классы?

— Начальные.

— А сейчас?

— Что сейчас?

— Сейчас она работает?

Вика растерялась.

— Не знаю. Как-то не спросила. Наверное, работает. А может быть, и нет. Какая разница?

— Разница в уровне жизни! — отрезала Мариша. — У учительницы начальных классов в городе Вологде он один. А у наследницы большой и богатой квартиры в центре Питера — другой! Квартира большая?

— Да.

— И мебель в ней дорогая?

— Да.

— Ковры, всякий там антиквариат, картины?

— Ну, я не очень разбираюсь в таких вещах, — пожала плечами Вика. — Но богато. Это уж точно!

— Все ясно, — кивнула головой Мариша. — Твой дед был человеком далеко не бедным.

— Ваня этого и не скрывал!

— Далеко не бедным, — продолжала рассуждать

Мариша, словно не слыша приятельницу. — А может быть, даже и богатым. И вот он умирает, а его деньги и квартира достаются какой-то родне — седьмая вода на киселе!

— Ничего не на киселе! Ваня — его внук!

— Двоюродный! Да еще видел своего деда два раза в жизни! Нет уж! Ты как хочешь, а такое родство близким не назовешь!

— И что ты думаешь? Что это они с матерью убили моего дедушку?

— Твоего... М-м-м... Ну, насчет того, что дедушка был твоим, я бы не стала делать поспешных выводов.

— Да ты что! В письмах ясно говорилось: «моя дочка Олечка»! Моя мама была дочкой этого Льва Илларионовича. А значит, я его внучка!

— М-м-м...

— Что ты все время мычишь? — раздраженно спросила Вика у приятельницы.

Мариша вздохнула, но все же ответила:

— Понимаешь, не всегда женщины говорят своим мужчинам правду о том, от кого на самом деле их ребенок.

— Ты хочешь сказать, что моя бабушка сознательно обманывала своего любовника? Сказала, что моя мама от него, а на самом деле... Да зачем ей это было надо?

— Ну, во-первых, она могла и сама искренне заблуждаться. А что касается, зачем ей это было надо, так это очень просто. Чтобы удержать и еще больше привязать мужчину к себе. Других детей у него, как я понимаю, не было. Так?

— Да.

— Ну вот, а тут дочка Олечка. Человеку приятно.

Вика покачала головой.

— Я чувствую, что это был мой родной дед.

— Прямо смешно! — восхитилась Мариша. — Голос крови в тебе заговорил? А раньше он где был? Молчал в тряпочку?